

Научная статья

УДК 340.1

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-31-39>

Ирина Борисовна Ломакина

доктор юридических наук, профессор

<https://orcid.org/0000-0002-9232-949X>, lomakina7311@gmail.com

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)

Университета прокуратуры Российской Федерации

Российская Федерация, 191104, Санкт-Петербург, Литейный проспект, д. 44

Институт технологий предпринимательства и права

Санкт-Петербургского государственного университета

аэрокосмического приборостроения

Российская Федерация, 190000, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д. 67а

Конструирование правовой субъектности в восточных дискурсивных практиках: постановка проблемы

Аннотация: Введение. В данной статье поднимается проблема понимания правовой субъектности; отмечается, что от типа правопонимания зависит образ, социальное назначение и онтологическая сущность самого субъекта правоотношения. Восточная правовая традиция, в отличие от индивидуалистической западной, явила миру коллективного субъекта, в котором индивидуальность содержится в потенции и раскрывается только при особых условиях и в рамках определенной социальной структуры. Поэтому для понимания правовой субъектности в цивилизационном (широком) значении необходим новый подход, учитывающий многообразие форм существования человека в мире права. **Методы.** Данная статья предлагает использовать постклассический антрополого-правовой подход, в рамках которого высвечивается контекстуальность правовых феноменов и актуализируется их релятивность. **Результаты.** В статье доказывается, что правовая субъектность не сводима только к индивидуалистической интеракции. Восточные культуры по-иному формируют правовую идентичность, а дискурсивные практики высвечивают различные вариации взаимного признания, в которых индивид, статусная группа и общество в целом выступают по отношению друг к другу с разной степенью доминантности. В статье утверждается, что каждая культура рисует свой идеальный образ человека в мире права: иногда он выступает как «творец», иногда как «творение», а иногда сочетает и то, и другое одновременно. Это, в свою очередь, предполагает определенный набор ценностей, адаптирующих человека к той социальной системе, в которой он реально живет, в которой реализует свои социально значимые потребности. В статье актуализируется идея о том, что правовая субъектность – это конструкт, который формируется человеком на всех этапах его становления как социального существа, в потенции притязающего на универсальный правопорядок.

Ключевые слова: правовая идентичность, субъект права, правовая коммуникация, взаимное признание, конструирование права, правовая традиция, европейский правовой дискурс, восточный дискурс, ориентализм

Для цитирования: Ломакина И. Б. Конструирование правовой субъектности в восточных дискурсивных практиках: постановка проблемы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 4 (104). – С. 31–39; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-31-39>.

Original article

Irina B. Lomakina

Dr. Sci. (Jurid.), Professor

<https://orcid.org/0000-0002-9232-949X>, lomakina7311@gmail.com

Saint Petersburg Law Institute (Branch)

University of Prosecutor's Office of the Russian Federation

44, Liteynyy ave., Saint Petersburg, 191104, Russian Federation

Institute of Business Technology and Law

Saint Petersburg State University of aerospace instrumentation

67 lit. A, Bol'shaya Morskaya str., Saint Petersburg, 190000, Russian Federation

Legal Subjectivity Issue in Eastern Discursive Practices: Problem stating

Abstract: Introduction. The article deals with the problem of understanding legal subjectivity; it is noted that the image, social purpose and ontological essence of the subject of legal relations itself depends on the type of legal understanding. The Eastern legal tradition, in contrast to the individualistic Western one, revealed a collective subject to the world. Individuality of this subject is maintained in potency and manifests itself only under special conditions and within a certain social structure. To understand legal subjectivity in the civilisational (broad) sense, a new approach taking into account the diversity of human existence forms is needed. **Methods.** This article proposes a post-classical anthropological legal approach that highlights the contextuality of legal phenomena and actualises their relativity. **Results.** The article provides evidence that legal subjectivity is not reducible to individualistic interaction alone. Eastern cultures shape legal identity differently, and discursive practices highlight different variations of mutual recognition in which the individual, status group and society as a whole act towards each other with different degrees of dominance. The author argues that each culture creates its own ideal image of a human being in the world of law: sometimes it acts as a “creator”, sometimes as a “creation”, and sometimes it combines both at the same time. This, in turn, implies a certain set of values that adapt a person to the social system in which he actually lives and realises his socially significant needs. The article actualises the idea that legal subjectivity is a construct formed by a person as a social being at all stages of his formation, potentially claiming a universal legal order.

Keywords: legal identity, subject of law, legal communication, mutual recognition, creation of law, legal tradition, European legal discourse, Eastern discourse, orientalism

For citation: Lomakina I. B. Legal Subjectivity Issue in Eastern Discursive Practices: Problem stating // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 4 (104). – P. 31–39; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-31-39>.

Введение

Проблема понимания правовой субъектности имеет важное значение как для теоретической правовой науки, так и для юридической практики. Этой проблеме посвящено немало научной литературы. Ее различная направленность от юснатурализма до позитивизма не выявила всех аспектов формирования правовой субъектности ни в сугубо нормативном, и уж тем более ни в культуральном (цивилизационном) значении. Каждый тип правопонимания конструировал свой образ субъекта права, наделяя его свойственными ему бытийственными характеристиками. Поэтому онтологический у каждого конструируемого субъекта был не тождественен друг другу. Так, например, «позитивизм (юридический этатизм) мыслил субъекта через призму закона. Закон закреплял права и обязанности, которые и определяли правовой статус субъекта. Юридический этатизм провозглашал объективную природу права, поэтому внешняя форма выражения нормы права превалировала над ее внутренним содержанием и вообще никак не увязывалась с психическим (в широком смысле) миром субъекта правовой коммуникации. Конструируемый юридическим этатизмом субъект права в аутентичном прочтении был произведен от воли суверена, который «положил», «дал» права и наложил обязанности соответственно» [1, с. 18].

Данная концепция, как мы видим, не предполагала априорного наличия субъективных прав у субъекта права, его правомочия проистекали из закона, дарованного властью. В более поздних версиях позитивизм не отрицал субъективного права, но полагал его как права и обязанности, закрепленные в нормах законодательства, без их реализации на практике [2].

Иначе видел субъекта права юснатурализм. Для него субъективное право всегда априорно существовало в субъекте права и было первичным по отношению к любому внешнему регулятору. Субъективные права – неотчуждаемы, и они имеют с этой точки зрения универсальный, вневременной характер. Данное видение понимания субъективных прав предполагало только индивидуальный уровень (хотя кантианская теория в качестве субъекта полагает трансцендентную сущность). Поэтому субъекты права – это всегда индивиды, носители прав и свобод [3, с. 6]. Естественно-правовая доктрина сформировала индивидуалистический тип культуры и, став ядром западной правовой традиции¹, фактически обрела в либеральной идеологии бессмертие.

Таким образом, юридический этатизм и юснатурализм, представив два диаметрально противоположных ракурса понимания субъекта права, не смогли внятно показать его сущность, социальное назначение. Многие пласты (общественные страты), в которых субъект права воспроизводился в соответствующем качестве, остались без внимания. Между тем именно общество с помощью механизма интерпелляции превращает человека в субъекта права, облакает его в соответствующую форму, придает ему соответствующий групповой статус, идентифицирует его в том или ином качестве [4, с. 7]. При этом определяющее значение в интерпелляции имеет как направленность, тип и характер самого общества, так и его статусных групп, осуществляющих номинацию.

Восточная традиция явила миру образ коллективного субъекта, в котором индивидуальность раскрывалась в потенции, актуализировавшейся только в рамках определенной социальной структуры.

Методы

Правовая субъектность с точки зрения неклассического антрополого-правового подхода

Как отмечалось выше, восточная правовая субъектность не может быть изучена с помощью позитивистской и естественно-правовой методологии. Не может она изучаться и терминами западного дискурса [5, с. 180]. Однако восточный дискурс своего инструментария,

¹ Луковская Д. И., Ломакина И. Б. Конституционализм и конституирующие принципы как факторы легитимации правовой системы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2019. – № 1 (81). – С. 37–45.

применимого для изучения себя, не дал в силу известных причин. Э. Саид по этому поводу прозорливо замечает: «Ориентализм – это не просто взгляд прогрессивного Запада на „дикий” и „отсталый” Восток, а интеллектуальный дискурс, в котором переплетаются понимание и познание „чужого” языком европейской культуры» [6, с. 35]. Поэтому ориентализм – это европоцентристская интеллектуальная традиция, в которой «чужой» всегда просеивается через сито априорных ценностей западной культуры [7, с. 143].

Для преодоления европоцентристской историографии мы предлагаем использовать неклассический антрополого-правовой подход, который не выносит априорных оценок, но учитывает контекстуальность правовых феноменов, ставя на первый план человека и его социализацию в производстве правовой реальности. Неклассический антрополого-правовой подход по-новому высвечивает субъекта права. В конструируемой реальности человек сотворяет и пересотворяет свой правовой мир в соответствии со своими представлениями о справедливом и несправедливом, должном и необходимом. Поэтому как ранее отмечалось нами в ранее опубликованной работе, «все аутентичные социальные институты, особенно в сфере права, представляют исторически выверенные культурные стандарты, выведенные из основополагающих материальных и ментальных начал человека, статусной группы, общества в целом» [8, с. 57]. «Сформированные в процессе правовой жизни, эти институты всегда несли и несут на себе печать времени и пространства (культуры). Отсюда специфический характер конституирующих доминант (принципов), задающих вектор правовой традиции» [9, с. 119]. Таким образом, есть все основания полагать, что человек конструирует правовую реальность и осмысливает ее, тем самым включая последнюю в свою природу [10, с. 29].

Обсуждение

Правовая реальность, формируемая и осмысливаемая человеком, институционализируется в поведенческих актах и стратегиях индивидов, статусных групп и общества в целом, и каждый тип правовой коммуникации имеет свои исторические и цивилизационные корни. Западную традицию права, вне всяких сомнений, конституирует идея верховенства права с приматом индивида. Здесь идея взаимного признания (по Полякову) предполагает однопорядковую связь, в которой каждый мыслит себя равным другому [11, с. 65]. Данный тип коммуникации предполагает наличие равенства в свободе на экзистенциальном, исходном уровне межчеловеческой коммуникации. «Европейский дискурс равнодостоинства стал мейнстримом и навязал миру привычные стереотипы, которые, как верно замечает Д. И. Луковская, имел античные корни. Так, «цицероновское „великое равенство” не было и не могло быть равенством, исключаящим какую-либо дискриминацию по отношению к участникам правового общения, равенством возможностей в доступе к социальным благам» [12, с. 491]. Однако равенство не предполагало всех членов человечества, из числа равнодостоинных вычеркивались все «чужие» и свои «больные» (дети, женщины, старики).

Восточную традицию права конституирует идея коллектива (семьи, клана, государства), а право мыслится не через призму наличия индивидуальной свободы, а через призму групповой принадлежности человека, и только в этом случае человек обретает свою правовую субъектность.

Результаты

Западная версия складывания правовой субъектности достаточно полно представлена в гуманитарной литературе, в отличие от восточной. Поэтому в данной статье акцент будет смещен именно в сторону восточного миропонимания субъектной природы человека. Самый радикальный вариант, с точки зрения западного миропонимания, являет японская традиционная культура в самурайской версии. Так, например, в японском морально-этическом кодексе «Бусидо» провозглашается полный отказ самурая от собственного тела и души, однако это не означает потери им своей самости, скорее наоборот, свою самость

он обретает через служение своему господину, который олицетворяет одновременно и клан, и императора. В подтверждение приведем отрывок из классического канонического текста: «Поскольку он (*самурай*) не знает, когда ему будет суждено исполнить это (*долг*) для своего господина, он не должен причинять вред своему здоровью излишеством в еде и вине и увлечением женщинами; равно как и смерть на домашних циновках он не должен считать достойным самурая концом. Еще более должен он остерегаться споров и ссор с товарищами, которые могут привести к стычке, дабы не рисковать понапрасну жизнью, как рискует ею тот, кто лишен чувства верности и долга. ... Поэтому, когда возникает опасность спора, всегда помни о том, что твоя жизнь принадлежит не тебе, но твоему господину, и умеряй свой пыл, ибо в этом состоит долг сдержанного и верного самурая»².

Метафорический стиль наставлений морально-этического кодекса «Бусидо» рисует образы, в которых долг, преданность, служение господину (равно семье и государству – данный аспект будет раскрыт ниже) выступают высшей ценностью японского общества, а выгода и эгоизм им противопоставляются как жалкие пороки человеческой природы, которые непременно должны преодолеваются. Неоценимый вклад в сохранение и укрепление традиционных японских ценностей самурайской культуры как стержневой основы традиционного японского общества внес самурай Ямомото Цунэтомо (1659–1719). В трактате «Хагакурэ кикигаки» («Записи о сокрытом в листе»), анализируя социально значимые стороны жизни традиционной японской культуры, он выходит на проблему понимания человека и его идентичности с точки зрения признания им других (другого) и посредством которых он обретает свой правовой статус, и вне его не существует. Надо понимать, что принцип взаимного признания моделируется культурой (статусными группами) не через индивидуальную интеракцию, а через господина, олицетворяющего клан и императора в целом, т. е. господин – это не индивид в западном понимании, а сочетающийся образ, в котором он – это он, и он – это все (по Фромму) [13].

Весьма убедительно выглядит цитата из классического японского трактата: «Принадлежность к клану, в котором хозяева и слуги всегда были преданы друг другу, это великое счастье как для крестьянина, так и для горожанина. Что уж говорить в этом отношении о самурае. Самурай клана Набэсима должен прежде всего понимать это. За счастье принадлежать к такому клану он должен платить своим неукоснительным служением. Если хозяин благоволит ему, он должен служить еще более самоотверженно. Он должен знать, что имеет возможность доказать свою преданность, даже если его делают ронином (*изгоем*), или велют ему совершить сэппуку (*харакири*). Он должен быть верным своему клану всегда, даже когда его изгнали в горы или закопали в землю»³. При анализе данного пассажа может показаться, что никакого взаимного признания здесь нет, а вот идея закабаления человека присутствует.

Однако в японской традиции закабаление человека увязывалось не с жесткой иерархической структурой общества, а с выполнением человеком определенной социальной профессиональной функции, при этом самурайская культура воспринималась вне разделения труда, но мыслилась как Абсолют. Трудно понять европейцам, не правда ли? Так, «Хагакура» рисует «Путь самурая»: «Путь самурая – стремление к совершенству!»⁴. Поэтому идеал «Хагакуры» – не узкий специалист, обуреваемый своими мелкими страстишками, а целостный человек. Целостный человек олицетворяет фундаментальные принципы всех искусств. Когда человек шествует по Пути самурая, он не должен искать других идеалов.

Идея взаимного признания в таком культурспецифическом понимании, как это ни парадоксально звучит, тоже связана с идеей свободы, как и в западной версии. Только в восточном исполнении свобода – не ценность, а средство обретения правильного «Пути», в данном случае «Пути самурая». Семантическое значение концепта «свобода» в представленной

² Сунь-цзы, Ямомото Ц., У-цзы, Дайдодзи Ю, [и др.]. Искусство войны и кодекс самурая : сборник : [перевод]. – Москва: Родина, 2023. – С. 118.

³ Ямомото Ц. Хагакурэ, или сокрытое в листе : [перевод]. – Москва: КоЛибри, 2016. – С. 143.

⁴ Там же.

версии означает освобождение от мирской повседневности, материальных выгод, суеты, ненужных знаний и опять, как это ни парадоксально звучит, свобода связана со смертью, долгом и ответственностью. Только в таком ключе она имеет особый смысл и обретает свое особое морально-этическое назначение.

Мы видим, что представленная японским самурайским дискурсом идея понимания человека через принцип взаимного признания предполагает обретение себя только через признание целого, которое представлено хозяином, родителями, человечеством и даже потомками, причем сам самурай и есть олицетворение целого, которое формируется посредством «Правильного пути». «Хагакурэ» предписывает: «Делать что-то для себя мелочно и недостойно; такие поступки всегда оборачиваются злом. ... Служение должно сочетать в себе заботу и сострадание к людям»⁵.

Китайская версия управления государством немногим отличалась от японской. Здесь также присутствует идея управления на основании взаимного уважения и почитания старших младшими, знатных незнатными. Данный принцип нашел осмысление в трудах Г. Киссинджера в контексте осмысления им восточного социокультурного контекста и его различия от западного [14, с. 13].

Справедливость и ритуал – вот главные скрепы, к которым апеллировали китайские философы и государственные деятели. Так, например, в «Военном трактате» У-Цзы пишет о необходимости признать друг в друге нечто такое, что объединяет народ и власть⁶. И здесь мы снова видим некий символический перенос якобы индивидуалистических ценностей (в европейском понимании) в поле других социально организованных структур: в Китае чаще всего проекция падает на государство, в традиционной Японии – на клан, и лишь затем на императора (государство).

Интересно, что в восточных дискурсивных практиках даже имеются иероглифы, обозначающие «общественного родителя» и «общественного ребенка», само же государство в китайской версии означает императорскую семью (государь *goa* и *jia* – семья. Эти слова сливаются в единое целое *goajia* – государство) [15, с. 51]. В работе «Лунь юй», главном произведении конфуцианской традиции, особое место уделяется идее взаимного признания человека, принадлежащего к той или иной социальной группе и государства в лице императора⁷. Здесь нет индивидуалистического начала, но есть другое, которое детерминирует в человеке «особый путь» и предназначение. Данный тип коммуникации предполагает не конкуренцию, а социальную внутригрупповую солидарность, в основе которой большое значение придавалось доверию. Конфуций по этому поводу прозорливо замечает: «Должно быть достаточно пищи, должно быть достаточно оружия и народ должен доверять правителю ... в случае крайней необходимости можно отказаться от оружия, можно отказаться даже и от еды, но без доверия народа государство не сможет устоять»⁸.

Огромный вклад в понимание правовой субъектности в японской самурайской версии внес современный японский филолог и культуролог, постмодернист Юкио Мисима. Мисима призывает японцев сохранять народный дух (кокатуй), выявляет его основополагающие принципы, имеющие моральные и этические корни. Так, например, используя концепт «любовь», Мисима образно и оригинально показывает его специфику в японской традиционной культуре. Оказывается, чистая любовь к женщине или юноше не отличались от преданности самурая его господину. Такое представление о любви было названо «любовью к императорской семье» (рэнкэиу-но дзе) и положено в основу поклонения императору⁹. В европейской традиции подобных вариаций любви к женщине, тождественной любви к хозяину, государю, точно не было.

⁵ Там же. – С. 144.

⁶ У-Цзы. Об искусстве ведения войны : [перевод]. – Москва: Родина, 2023. – С. 16.

⁷ Конфуций. Лунь юй // Древнекитайская философия : в 2 т. – Москва: Мысль, 1972. – Т. 1. – С. 147.

⁸ Там же.

⁹ Сунь-цзы, Ямамото Ц., У-цзы, Дайдодзи Ю, [и др.]. Указ. соч. – С. 268.

Парадоксальность суждений Востока изумляет многих неискушенных европейцев. Свобода содержится в несвободе, право содержится в долге и ответственности перед другим(и), справедливость проистекает из неравенства, а семья, клан, государство (император) провозглашаются высшими ценностями! Все это доктринально закрепляется и реифицируется в идею следования «Особому Пути» («Путь Дао», «Путь Дхармы», «Путь Конфуция», «Путь Самурая» и пр.). На выходе мы видим цельную, мало понятную европейцам тотальную социальную модель со своим культурным стандартом (стержнем) взаимного признания и идентичности человека, погруженного в коллектив и как бы не существующего без него. В подтверждение приведем слова древнекитайского полководца Сунь-цзы. В трактате «О военном искусстве» он говорит: «Первое – это путь! ... Путь – это когда достигают того, что мысли народа одинаковы с мыслями правителя, когда народ готов вместе с ним умереть, готов вместе с ним жить, когда он не знает ни страха, ни сомнений!»¹⁰. Очевидно, что «Путь» олицетворяет социальную гармонию в государстве, «Путь» – условие его безопасного существования, он залог гармоничного воспроизводства человека в границах стратифицированного общества (государства).

Заключение

Тотальность, пронизанная духом служения общему и целому в лице хозяина, господина, «отца нации», правителя формирует ценности, далекие от западных идеалов. Идентификация личности наслаивается на коллективные структуры, которые в конечном итоге диктуют особые сокровенные смыслы. Видимо, этим обстоятельством объясняются досконально разработанные морально-этические кодексы, так широко представленные в дискурсивных практиках Востока и массово применяемые людьми в обыденной повседневности.

Таким образом, конструирование личности имеет исторические и культурные корни, которые несводимы только к пониманию индивида в единичном аспекте его существования, через признание другого в эквиваленте «я». Дискурсивные практики рисуют различные вариации взаимного признания, в которых индивид, статусная группа и общество в целом выступают по отношению друг к другу с разной степенью доминантности. Формируемые правовые статусы закрепляются в разных культурных кодах языка по-разному и воспроизводятся в повседневных практиках тоже неодинаково. Каждая культура рисует свой идеальный образ человека – «творца» или «творения», а иногда «творца» и «творения» одновременно. И если в каждой отдельно взятой культуре все более или менее понятно и предсказуемо с точки зрения формирования устойчивой и относительно безопасной среды обитания человека, то в рамках межкультурной коммуникации дела обстоят иначе. Признание равнодостоинства другого (их) натывается на национальные стереотипы, которые уходят своими корнями в этническую самоидентификацию сначала этносов, народов, а потом и наций.

Список литературы

1. *Ломакина И. Б.* Образ субъекта в теории права / Вопросы государства и права : сборник научных статей / редкол.: Л. В. Карнаушенко, А. А. Швец, Е. А. Пушкарев, Н. Ю. Турищева [и др.]. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2021. – С. 16–23.
2. *Ромашов Р. А.* Конституционно-правовые отношения: субъект-объектные состояния и межсубъектные взаимодействия // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 3 (94). – С. 132–136.
3. *Козлихин И. Ю.* Позитивизм и естественное право // Государство и право. – 2000. – № 3. – С. 5–11.
4. *Честнов И. Л.* Субъект права: дополнительность правового статуса и правовой идентичности // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2023. – № 2 (94). – С. 5–11.

¹⁰ Там же. – С. 16.

5. Мальшиева Н. И. Теоретические трудности в исследовании права КНР // Правоведение. – 2024. – Т. 68, № 2. – С. 175–186; <https://doi.org/10.21638/spbu25.2024.203>.
6. Саид Э. В. Ориентализм / науч. ред. А. Р. Ихсанов ; пер. с англ. К. Лопаткиной. – Москва: Музей современного искусства «Гараж», 2021. – 560 с.
7. Ломакина И. Б. Ориенталистская традиция понимания восточной государственности // КриминалистЪ, – 2024. – № 1 (46). – С. 141–146.
8. Ломакина И. Б. Субъект права в антропологической парадигме / Субъект права: стабильность и динамика правового статуса в условиях цифровизации : сборник научных трудов / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. – Москва: Инфотропик Медиа, 2021. – С. 45–58.
9. Ломакина И. Б. Правовая идентичность в классическую эпоху // КриминалистЪ. – 2023. – № 1 (42). – С. 112–118.
10. Ломакина И. Б. Постигание правовой действительности: от научной традиции к символическому универсуму // Российский журнал правовых исследований. – 2019. – Т. 6, № 3 (20). – С. 23–29; <https://doi.org/10.17816/RJLS18997>.
11. Боровцов И. В., Гилинский Я. И., Голубева Л. А., Ивина М. К. [и др.]. Постклассические исследования права: перспективы научно-практической программы : коллективная монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2023. – С. 29–150.
12. Луковская Д. И. Правовая легитимность как диалог законодателя с его адресатами о праве и справедливости // Правоведение. – 2021. – Т. 65, № 4. – С. 484–498; <https://doi.org/10.21638/spbu25.2021.407>.
13. Фромм Э. Человек для себя / пер. с англ. А. В. Александровой. – Москва: Neoclassic, 2023. – 320 с.
14. Киссинджер Г. А. О Китае / пер. с англ. В. Н. Верченко – Москва: АСТ, 2017. – 640 с.
15. Логический анализ языка: языки этики / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко, Н. К. Рябцева – Москва: Языки русской культуры, 2000. – 444 с.

References

1. Lomakina I. B. Obraz sub"yekt v teorii prava / Voprosy gosudarstva i prava : sbornik nauchnykh statey / redkol.: L. V. Karnausenko, A. A. Shvets, Ye. A. Pushkarev, N. Yu. Turishcheva [i dr.]. – Krasnodar: Krasnodarskiy universitet MVD Rossii, 2021. – С. 16–23.
2. Romashov R. A. Konstitutsionno-pravovyye otnosheniya: sub"yekt-ob"yektnyye sostoyaniya i mezhsob"yektnyye vzaimodeystviya // Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal. – 2016. – № 3 (94). – S. 132–136.
3. Kozlikhin I. Yu. Pozitivizm i yestestvennoye pravo // Gosudarstvo i pravo. – 2000. – № 3. – S. 5–11.
4. Chestnov I. L. Sub"yekt prava: dopolnitel'nost' pravovogo statusa i pravovoy identichnosti // Vestnik Universiteta prokuratury Rossiyskoy Federatsii. – 2023. – № 2 (94). – S. 5–11.
5. Malysheva N. I. Teoreticheskiye trudnosti v issledovanii prava KNR // Pravovedeniye. – 2024. – Т. 68, № 2. – S. 175–186; <https://doi.org/10.21638/spbu25.2024.203>.
6. Said E. V. Oriyentalizm / nauch. red. A. R. Ikhsanov ; per. s angl. K. Lopatkinoy. – Moskva: Muzey sovremennogo iskusstva «Garazh», 2021. – 560 s.
7. Lomakina I. B. Oriyentalistskaya traditsiya ponimaniya vostochnoy gosudarstvennosti // Kriminalist", – 2024. – № 1 (46). – S. 141–146.
8. Lomakina I. B. Sub"yekt prava v antropologicheskoy paradigme / Sub"yekt prava: stabil'nost' i dinamika pravovogo statusa v usloviyakh tsifrovizatsii : sbornik nauchnykh trudov / pod obshch. red. D. A. Pashentseva, M. V. Zaloilo. – Moskva: Infotropik Media, 2021. – S. 45–58.
9. Lomakina I. B. Pravovaya identichnost' v klassicheskuyu epokhu // Kriminalist". – 2023. – № 1 (42). – S. 112–118.
10. Lomakina I. B. Postizheniye pravovoy deystvitel'nosti: ot nauchnoy traditsii k simvolicheskomu universumu // Rossiyskiy zhurnal pravovykh issledovaniy. – 2019. – Т. 6, № 3 (20). – S. 23–29; <https://doi.org/10.17816/RJLS18997>.

11. *Borovtsov I. V., Gilinskiy Ya. I., Golubeva L. A., Ivina M. K. [i dr.]. Postklassicheskiye issledovaniya prava: perspektivy nauchno-prakticheskoy programmy : kollektivnaya monografiya / pod red. Ye. N. Tonkova, I. L. Chestnova. – Sankt-Peterburg: Aleteyya, 2023. – S. 29–150.*

12. *Lukovskaya D. I. Pravovaya legitimnost' kak dialog zakonodatelya s yego adresatami o prave i spravedlivosti // Pravovedeniye. – 2021. – T. 65, № 4. – S. 484–498; <https://doi.org/10.21638/spbu25.2021.407>.*

13. *Fromm E. Chelovek dlya sebya / per. s angl. A. V. Aleksandrovoy. – Moskva: Neoclassic, 2023. – 320 s.*

14. *Kissindzher G. A. O Kitaye / per. s angl. V. N. Verchenko – Moskva: AST, 2017. – 640 s.*

15. *Logicheskiy analiz yazyka: yazyki etiki / otv. red. N. D. Arutyunova, T. Ye. Yanko, N. K. Ryabtseva – Moskva: YAzyki russkoy kul'tury, 2000. – 444 s.*

Статья поступила в редакцию 26.08.2024; одобрена после рецензирования 27.09.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted August 26, 2024; approved after reviewing September 27, 2024; accepted for publication December 25, 2024.